

Мария Гинзбург

Мертвецы и крысы

Часть сборника

А зомби здесь тихие (сборник)

Мария Гинзбург

Мертвецы и крысы

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5972834

А зомби здесь тихие : фантастические повести и рассказы. : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-65090-3

Аннотация

«...Мягкая, как шерстяной плед, темнота спустилась с неба, запуталась в высокой траве и надежно укрыла стога свежего сена в его дальней части.

Вот почему Генрих не смог увидеть их. Но топот множества маленьких ног услышал. Заинтересованный Генрих остановился. Кто-то приближался от реки. Дети любили играть на лугу – хотя бы потому, что им это запрещали. Но было уже очень поздно. Маленьким шалунам пришлось бы дорого поплатиться за свое непослушание по возвращении домой. Или – Генрих облизнулся – еще по дороге домой.

Они появились из травы. Сначала Генриху показалось, что на него, пожирая светлое тело дороги, надвигается серый лохматый ковер. Потом он услышал разноголосый писк. Крупная крыса, шедшая в авангарде, остановилась и приподнялась на задние лапки. Ее длинный нос зашевелился. Крыса издала радостный, торжествующий вопль.

И прыгнула Генриху прямо на живот...»

Содержание

1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Мария Гинзбург

Мертвецы и крысы

Иногда мне кажется: вот в чем вся наша беда – слишком много людей занимают высокие места, а сами трупы трупами.

Курт Воннегут. Колыбель для кошки

1

Имме была не замужем, и ей разрешили вести группу продленного дня у своих же учеников. Сегодня последним остался Эрнест, и забирать его пришел Генрих Талик, его отец. Он радостно подкинул сына на руках. Когда Эрнест мягко приземлился ему на руки, Генрих ловко и почти незаметно вырвал зубами кусок мяса из его шеи. Скользко заблестела кровь на губах. Эрнест даже не вздрогнул. Имме не смогла сдержаться и поморщилась. Генрих быстро и деликатно проглотил откушенное и поставил сына на пол. В руках у Генриха уже был универсальный заживляющий бактерицидный пластырь «Талика».

В Тотгендаме потребляли больше пластыря, чем молока. Марк Талик, отец Генриха и владелец фабрики, на которой производились пластыри, был самым богатым человеком в городе. И, по случайному стечению обстоятельств, занимал пост бургомистра последние десять лет.

Генрих заклеил сыну рану на шее, помог надеть портфель и добродушно хлопнул Эрнеста по плечу.

– Подожди меня во дворе, – сказал он сыну. – Мне нужно узнать у твоей учительницы, хорошо ли ты себя ведешь.

Наверное, он хотел, чтобы в темных глазах сына что-нибудь отразилось. Страх, например. Или чтобы малыш выдавил из себя улыбку, показывая, что понял шутку. Однако в глазах Эрнеста не отразилось ничего. Он не улыбнулся, не кивнул отцу. Он молча повернулся и вышел из класса.

Возможно, потому, что Эрнесту было нечего бояться – на уроках он был тих и послушен. Сам отвечать не вызывался – Имме не помнила, чтобы за весь учебный год он хотя бы раз поднял руку – но всегда, когда она спрашивала его сама, Эрнест оказывался готов к уроку. Контрольные писал на твердые четверки, а то и на пятерки.

Но иногда Имме казалось, что восьмилетний Эрнест уже мертв. В Тотгендаме установление факта окончательной смерти человека вызывало определенные сложности. Про того, кто выглядел по-настоящему *мертвым*, говорили, что он «*готов прогуляться в карьер*». У Эрнеста был такой вид, словно ему стоило совершить прогулку в карьер еще год назад. И это при том, что на лице и руках Эрнеста никогда не было следов долга уважения к родителям, в то время как его сосед по парте Рихард приходил, бывало, с неровным горбиком пластыря вместо носа. Но над Эрнестом почти всегда витал сладкий запах меда и горьковатый аромат еловой смолы. Так пах заживляющий суперэффективный бальзам «Талика». Если бы Имме не знала, как пахнут целые дети, то вполне уже могла бы считать аромат бальзама собственным запахом мальчика.

Имме была уверена, что Генрих не заметил ее гримасы, так как был занят своим сыном. Но Генрих оказался очень востроглазым и теперь, видимо, собирался выяснить, неужели учительница не одобряет методов воспитания детей, освященных вековыми традициями Тотгендама?

Или же он собирался сделать кое-что совсем другое.

Лицо Генриха выражало самую предупредительную любезность. Но неписанные правила поведения не рекомендовали молодым свежим женщинам оставаться с мужчинами наедине даже в школьном классе. Имме украдкой подумала о своем шиле, которое лежало в шкафу около двери. Она направилась было к шкафу. Генрих одним движением оказался совсем рядом и между прочим преградил ей путь к выходу.

– Вы зря беспокоитесь, – пробормотала Имме. – Ваш Эрнест очень старательный и прилежный мальчик.

Генрих приблизил губы почти к самому уху молодой учительницы. Имме ожидала, что ее окатит волна вони полуразложившегося трупа, естественного для взрослых мужчин Тотгендама. Но вместо этого она ощутила аромат фиалок и окопника – «Настоящего мужчины», самого дорогого одеколона в производимой Таликами линейке парфюма для мужчин. Одеколоны с ароматом кедра, сосны и кофе, а также дезодоранты на основе березового дегтя для тех, кто победнее, были второй по доходности статьей фабрики Талика. Однако «Настоящий мужчина» не мог полностью заглушить едкий запах формалина. Чувствовался он, впрочем, только когда Генрих стоял вплотную к собеседнику. Имме знала, что это означает. «Что же, Талики могут себе это позволить», – подумала она. От шила, всегда спасавшего Имме от охотников за свежей плотью, в этот раз могло не оказаться никакого проку. «Почему я не купила бутылку кислоты, – подумала Имме в отчаянии. – А ведь Серени предлагала, и недорого».

Серени, подруга Имме, была хозяйкой самого дорогого косметического салона Тотгендама. Еще сто лет назад женщину, владеющую такой большой химической лабораторией, сожгли бы на костре как нечестивую ведьму. Но тотгендамцы шли в ногу со временем и уже не верили в бабушкины сказки про страшные колдовские зелья, превращающие людей в жутких монстров. Этими зельями теперь пользовались, чтобы чистить и омолаживать кожу. Но зелья по-прежнему годились не только для этих невинных целей.

– А почему вы тогда поморщились? – осведомился Генрих.

Имме отодвинулась от него и оказалась у шкафа, где лежало заветное шило. В конце концов, лучше шило в руках, чем гнилой член в жопе, как говаривала Серени.

– Вы же знаете, – сказала она. – Не стоит усердствовать в воспитании таких маленьких детей.

– Он уже не ребенок, – возразил Генрих. – Годен для школьной скамьи, годен и для воспитания!

На слове «воспитания» он привычно ловким движением схватил Имме за талию. Она отпрянула. Он наклонился, чтобы насладиться прелестями ее свежей груди прямо сквозь строгую блузку. Генрих еще успел процедить сквозь зубы:

– Да не рыпайся ты, как цел...

Рука Имме скользнула за стопку учебников, стоявших на полке. На мгновение ей показалось, что шила там нет, и она приглушенно вскрикнула. Генриха это только раззадорило. Он решил, что Имме кричит от страха, и это было как раз то, чего он хотел и ожидал услышать. Круглая янтарная ручка шила легла в руку Имме. Она отработанным движением ткнула Генриха в живот. Имме с ужасом ожидала, что острое скользнет по твердой, как дерево, мумифицированной поверхности. Раздался чавкающий звук. Шило прорвало ткань и плоть – к большому облегчению Имме, еще не обработанную консервирующим раствором. Генрих закричал и отшатнулся. Волна гноя выплеснулась на юбку Имме и на пол. Генрих несколько мгновений смотрел на зеленовато-черную зловонную лужу. Растерянность на его лице сменилась злостью. Имме, прижавшись спиной к шкафу и крепко сжимая в руках шило, ждала, что будет дальше. Генрих перевел взгляд на нее и сказал раздраженно:

– Дура. Отец наш. Шагни, ну и дура же ты!

Рука Имме с шилом нервно дрогнула. Генрих издевательски засмеялся.

– Сегодня, – произнес он сухим, официальным тоном. – Совет почтенных горожан нашего города обсуждал закон, который уже давно пора было принять. Об утилизации женщин старше двадцати пяти лет, не выполнивших своего священного долга. Как известно, после этого возраста вы становитесь настолько гнилыми, что уже и не можете его выполнить. И значит, не приносите никакой пользы городу.

Имме шумно выдохнула.

– Я проголосовал «за», – продолжал Генрих, глядя на нее в упор. – Исключение будет сделано только для тех женщин, кого обследует специальная комиссия в моем лице. Если я приду к заключению, что вы, фройляйн Имме, уже не в силах выполнить ваш священный долг, вам придется прогуляться в карьер. Запасы черножизни иссякают, а экспорт черножизни, как вам наверняка известно, является основой экономики Тотгендама. Мы готовы принять самые жесткие и непопулярные меры для решения этого вопроса.

Он направился к выходу из класса. У дверей он остановился. Пятно гноя на его белоснежной рубашке выглядело отвратительно.

– Сегодня вечером комиссия посетит вас, – сказал Генрих. – Подготовьтесь.

И покинул класс.

Имме опустилась на колени и разрыдалась.

* * *

Тотгендам не всегда был отрезан от суши. В древности этот большой остров, расположенный почти в центре крупного озера, соединялся с материком песчаной косой. Она была очень узкой и причудливо извивалась, словно пуповина. Между материком и островом было не больше пятнадцати лиг чистой воды, но если двигаться по косе, пришлось бы пройти все двадцать. Предки жителей города пришли по косе, спасаясь от бушевавшей в ту пору бесчеловечной войны. Годы изменили многое, и в том числе и перерезали пуповину, связывавшую Тотгендам с внешним миром, – коса скрылась под водой, и теперь немногие старики помнили о том, что раньше на материк можно было добраться и посуху.

Но эта весна выдалась жаркой, и коса показала из воды свою горбатую спину. Казалось, что под водой затаился хищный ящер, и только торчащие наружу шипы на хребте выдают его. Он был готов броситься на прибрежный луг, заполнить его своим чешуйчатым телом, но пока не делал этого. Возможно, его сдерживали развалины башни, которые рыжели на холме, словно спящий боевой мамонт. Некогда веер стрел, раскрытый лучниками из бойниц сторожевой башни, сметал с берега вражеские отряды. Потом, насколько знал Гийом, в башне хранились магические снадобья для поддержания защитной сферы над островом. Жители Тотгендама не жаловали гостей, как людей, так и некоторых животных и насекомых. Позднее в башне находился храм. А затем башню оставили.

Жители Тотгендама все еще помнили имя своего истинного создателя. Но жили по заветам того, кто ненавидел их с момента появления на свет.

Границу городских владений издревле обозначали два почерневших каменных столба. Они стояли в том месте, где некогда коса утыкалась в мягкое брюхо острова. Но сейчас из высокой травы торчал только один клык, да и он был сильно раскрошен дождями и ветром. Гийом оглянулся, ища второй. Столб лежал в траве и был почти незаметен из-за покрывавшего его буйного мха. Весенние ручейки вывернули его из земли и стащили вниз, почти к самой воде. Гийом вздохнул. Не мох должен был покрывать клыки, и не от времени они почернели. Густо замешанные на черножизни чары пропитали столбы насквозь. Только поэтому магическая защита острова продержалась еще – Гийом чуть склонил голову, прикидывая – да, еще лет десять после того, как жители Тотгендама перестали выполнять обряды,

от которых зависела их жизнь. Теперь дорога на остров была открыта не только людям, но и всем тварям, которым по вкусу гнилая и не очень плоть.

У Гийома были очень широкие взгляды на то, что стоит считать жизнью. А вот у высокого мужчины в белой хламиде, неторопливо гулявшего по глади воды в бухточке, совсем другие. И в очищении земли от грязи он не брезговал никакими средствами. Сейчас он поджидал санитаров, на создание которых он пустил не только чары, но даже некоторую часть собственной плоти. Мужчина приблизился к берегу, заметил Гийома и презрительно скривился.

– И ты здесь, – процедил он.

Гийом усмехнулся и кивнул.

– И не надоели они тебе, – сказал мужчина.

Гийом двинулся ему навстречу. Тот попятился. Гийом вошел в заросли камышей, срезал один из них. Когда он вышел на берег, мужчина уже сидел на поваленном столбе. Гийом сел на дальний его край и принялся делать из камыша дудочку.

– Как всегда, – пробормотал мужчина. – Но ведь они – плоды твоей ошибки. Разве тебе не хотелось бы, чтобы они исчезли и перестали напоминать о том, что однажды ты оступился?

Гийом отрицательно покачал головой.

– Не понимаю я ваших, – сказал мужчина. – Любая женщина стирает пятно грязи на полу, чтобы оно не повредило ее репутации безупречной хозяйки! Ты не заботишься о своей репутации?

Гийом рассмеялся, не разжимая губ, и снова отрицательно покачал головой. Его собеседник вздохнул, отвернулся и стал смотреть на другой берег. Трава на нем сильно колыхалась, словно от ветра. Но на водной поверхности не было ни морщинки. Гийом закончил, убрал нож и встал.

– До встречи, Гейб, – сказал он вежливо и двинулся к развалинам.

Гейб проводил его мрачным взглядом. Затем пошевелил пальцами так, словно собирался играть на рояле, и разминал руки.

Трава на другом берегу пошла волнами.

* * *

Генрих постучал еще раз, хотя уже понял, что дом пуст. Хорошенький, небольшой дом, утопающий в цветах, которые развела еще мать Имме. Хуана была с другого берега. Она принесла рассаду с собой в Тотгендам, когда вышла замуж.

Генрих повернулся, окинул взглядом окрестности, что-то прикидывая. Эта полоумная – но такая свежая, аппетитная Имме – решила поиграть с ним. Что же, он не против. Было только одно место, куда она могла пойти. Генрих усмехнулся. Многие девушки питали нелепую убежденность, что в развалинах на лугу их никто не сможет найти. Но их всегда находили там, и он найдет там Имме. Он повалит ее в траву, вкусит наконец ее свежей плоти, которую она так старательно оберегала.

Генрих направился на луг. Вечерело, от травы тянуло сыростью. Он поежился. Сырость плохо влияла на жителей Тотгендама. Генрих не был исключением. По дороге он размышлял о родителях Имме. Почему они так преступно подошли к воспитанию дочери? Чета Хайссов всегда была тихой и незаметной. Кто бы мог подумать, что в их доме творится такое! Как они могли не воспитать в ней уважения? «Как же они жили? – невольно задумался Генрих. – Чем питались?»

У четы Таликов было двое детей. При экономном подходе к ежедневному рациону им вполне хватило бы уважения к ним старшего, Франка, который в этом году заканчи-

вал школу. Но, как было известно каждому жителю Тотгендама, у Генриха были большие аппетиты во всем. Обычно Генриху хватало ума сдерживаться или хотя бы не воспитывать Эрнеста при посторонних. Эта лицемерка Имме была права – чрезмерное усердие при получении долга уважения от маленьких детей не одобрялось. Дошкольников вообще было запрещено воспитывать традиционными средствами, поскольку в таком случае они часто не доживали до поступления в первый класс. А рождаемость в Тотгендаме последние пятьдесят лет неуклонно падала. Власти винили в этом женщин, которые вступали в брак все позже и позже, когда уже были сильно подгнившими. Сей прискорбный факт не мог не сказаться не только на качестве исполнения ими супружеских обязанностей, но и на способности к деторождению. Таковы были причины появления закона, который был принят сегодня в ратуше большинством голосов.

* * *

Вот уже лет двадцать торговля с внешним миром велась через паром, стоянка которого находилась с другой стороны острова. Но мать среди прочих полезных тайн поведала Имме о перешейке, что некогда связывал Тотгендам с материком, и о том, где находится брод.

Имме нагнулась, закатала подол. «Детей нужно учить везде, – в сотый раз повторила она себе. Проверила, надежно ли завернуты в вощеную бумагу документы, и ступила в воду. После духоты сегодняшнего не по-весеннему жаркого дня вода показалась Имме приятно прохладной. Жители Тотгендама любили холод. На жаре тела разлагались быстрее, и тут уж ничто из снадобий Таликов не могло помочь. Последние несколько лет выдались необычайно теплыми. Грядущее лето, судя по всему, будет таким же. Пастор Люгнер объяснял, что в потеплении климата виноваты колдуны, живущие на материке. Это их грязная магия иссушает землю и добела раскаляет небо. Они погрязли в грехах, и Тотгендам с его жителями, чистыми душой и верными традициям, был для них как бельмо в глазу.

– Там дети забыли об уважении к родителям! – гремел пастор, обличаяще указывая на запад (а иногда и на восток, что не меняло сути дела – благочестивый Тотгендам со всех сторон был окружен врагами). – Если родители пытаются преподать своим детям урок, который они заслужили, то нечестивые власти отбирают у них детей!

Имме знала, что правды в словах пастора редко бывает больше, чем мяса в пирожке с соей. Люгнер сам удивился бы, наверное, узнав, что в этот раз он нечаянно сказал правду. Хуана, мать Имме, ни разу за всю свою жизнь не укусила дочку.

Имме тряхнула головой, отгоняя ненужные воспоминания. Она сделала второй шаг на пути из Тотгендама – уже гораздо более уверенный и широкий, чем первый.

Кто-то грубо схватил ее за плечи и поволок назад, на берег.

Черная ярость отчаяния ослепила Имме. Она с ловкостью ящерицы вывернулась в руках того, кто ее тащил. Имме была уже готова сделать то, чего не делала никогда. Хотя, если бы кто-нибудь узнал об этом, над ней долго смеялись бы. В короткой мгновенной вспышке перед ней мелькнула мать. Время стало очень медленным...

Фрау Хуана любила после обеда посидеть в саду, в своем любимом кресле-качалке. Имме обычно располагалась рядом со своей вышивкой. Вторым обязательным атрибутом этих томных, теплых вечеров была трубка в руках Хуаны. Как-то, выпустив причудливый клуб дыма, Хуана сказала дочери:

– Как только ты укусишь кого-нибудь, ты начнешь гнить.

Имме недоверчиво подняла глаза на мать. Взрослые кусали детей и друг друга, да и дети не отставали от них. Тело Имме все было покрыто мелкой сеточкой полукруглых шрамов. Папа, насколько знала Имме, тоже раньше кусал маму. И теперь Имме поняла, почему

он перестал. Видимо, мать открыла ему то же самое. Имме отец не кусал никогда. Хуана родила дочь только после того, как Бамбер вполне внял ее наставлениям.

– Но ведь все делают это, – сказала Имме.

Хуана хрипло рассмеялась. Так скрипит заржавленная цепь на воротах, когда из шахты поднимают лоток с драгоценной черножизнью.

– Правильно, – сказала она. – И к тридцати годам эти твои **все** уже ходячие трупы, наполненные гноем. Мне шестьдесят, доченька. На моем теле есть хоть одно пятно гнили? А ведь я еще и курю, а это тоже вредно.

Имме оскалила зубы. У каждого, кого укусили хотя бы раз, в момент опасности клыки и резцы увеличивались, становясь более острыми. Имме была девушкой красивой. От знаков внимания со стороны восхищенных мужчин ее не всегда спасало даже шило. Имме ощутила, как ее клыки разбухают. Это было болезненно, но одновременно и приятно. А вот Генриху вряд ли будет приятно, когда эти клыки вонзятся в его...

Но не Генрих сейчас сжимал ее в руках и тащил прочь от воды.

Изумленная Имме отпрянула от незнакомого черноволосого мужчины. Они были уже в развалинах старой башни. Имме мимолетно удивилась. Ей помнилось, что та находится далеко от берега.

– Смотри, – сказал мужчина и указал рукой на брод.

Имме осторожно, не выпуская незнакомца из виду, покосилась туда. В следующий миг она позабыла о том, что находится с незнакомым мужчиной в очень даже уединенном месте. И этот мужчина крепко прижимает ее к себе.

* * *

Генрих бодро шагал по старой дороге, вымощенной светлым камнем. Из-за этого она словно бы светилась в сумерках на фоне темной травы. Генрих думал о законе, принятом сегодня, и все больше убеждался, что совет горожан поступил правильно.

Большая часть мужчин в Тотгендаме давно были уверены, что женщины сразу по достижении двадцати пяти лет должны отправляться в карьер. С воспитанием детей мужчины Тотгендама справились бы и сами. Самые лучшие дети – те, кого воспитывали отцы, это всем известно. «Да и делиться ни с кем не пришлось бы», – думал Генрих, невольно морщась. Его супруга ела слишком много, не смущаясь тем, что неумеренный аппетит считался самой безобразной чертой для жительниц Тотгендама. Благодаря проповедям пастора Люгнера, клеймившего грех чревоугодия как самый отвратительный, многие женщины строго ограничивали себя в пище. Почти каждая горожанка Тотгендама сидела на диете. Счетчики калорий и пластырь, отбивающий чувство голода, также были одной из самых доходных статей в семейном бизнесе Таликов.

Но Марта считала, что она не такая, как все, и что ей можно. Эрнеста она по-бабьи жалела, но никогда не забывала воспользоваться случаем получить долг уважения от старшего сына, Франка. Несмотря на очевидную популярность женщин сухопарых, с изящными формами, она любила щеголять фразами «мужчина не собака, на кости не бросается». И несмотря на то, что Марта всегда жрала в три горла, на зависть подругам она довольно долго оставалась свежей, без единого пятнышка гнили. Но после вторых родов Марта совсем запустила себя. Генрих неоднократно намекал супруге, что чем дальше зашел процесс гниения, тем дороже обойдется мумификация, которая продлевала срок жизни в разы. Но Марта не хотела его слушать. Она исполняла свой супружеский долг, без особого усердия, впрочем, и Генриха при этом чуть не тошнило от вкуса ее огромного гнилого брюха.

Генриху снова вспомнилось мягкое, живое тело Имме. От запаха свежего пота – она еще потела, великий Шабгни! – у Генриха всегда текли слюнки. Генрих уже добрался до луга, до развалин оставалось рукой подать. Солнце зашло. Мягкая, как шерстяной плед, темнота спустилась с неба, запуталась в высокой траве и надежно укрыла стога свежего сена в его дальней части.

Вот почему Генрих не смог увидеть *их*. Но топот множества маленьких ног услышал. Заинтересованный Генрих остановился. Кто-то приближался от реки. Дети любили играть на лугу – хотя бы потому, что им это запрещали. Но было уже очень поздно. Маленьким шалунам пришлось бы дорого поплатиться за свое непослушание по возвращении домой. Или – Генрих облизнулся – еще по дороге домой.

Они появились из травы. Сначала Генриху показалось, что на него, пожирая светлое тело дороги, надвигается серый лохматый ковер. Потом он услышал разноголосый писк. Крупная крыса, шедшая в авангарде, остановилась и приподнялась на задние лапки. Ее длинный нос зашевелился. Крыса издала радостный, торжествующий вопль.

И прыгнула Генриху прямо на живот.

* * *

Когда душераздирающий вой Генриха стих за холмами, Имме обнаружила, что хохочет, как девчонка. Незнакомец, тоже улыбаясь, смотрел на нее.

– Я хотел спасти тебя от крыс, – сказал он.

Ноздри его зашевелились.

– Хотя, похоже, я старался зря, – заключил он.

Имме начала понимать.

– Они нападают только на... – произнесла она и запнулась.

Он кивнул:

– Крысы Гейба очищают мир от всего, что уже мертво и разлагается. Живых они не трогают. Такие отвратные создания, а несут в мир чистоту. Забавно, правда?

Но Имме уже не слышала его. Она смотрела.

Луна взошла. Обнаженное тело незнакомца казалось серебряным в ее бледном свете.

– Я собирался искупаться, – ничуть не смутившись, сообщил незнакомец.

– Но крысы... – начала Имме.

Тут она окончательно осознала, что на теле мужчины нет ни одного темного пятна гнили. Он не представлял никакого интереса для крыс. Имме, как зачарованная, начала обходить мужчину по кругу, не отводя с него взгляда. Больше всего ее поразило, что на мужчине нет и ни единого так хорошо знакомого ей полукруглого рубца – следа от зубов. Мужчины Тотгендама берегли своих женщин и сильно не усердствовали. Но считалось, что шрамы украшают мужчину, и иногда они загрызали друг друга до смерти. Так случилось и с отцом Имме. Начальник ел его поездом, смаковал, отгрызая по кусочку. Пока, собственно, есть стало нечего.

– Меня зовут Гийом, – представился мужчина.

Она снова хотела взглянуть на его живот. Он отвернулся, заслоняясь.

– Имме, – сказала она.

– Очень приятно, – произнес Гийом. – Теперь я могу одеться?

Они впервые посмотрели друг другу в глаза.

– Или не надо? – мягко уточнил он.

* * *

Имме отдала Гийому половину копченого мяса, которое прихватила с собой в дорогу. Но когда он достал из своего походного мешка круглые зеленые предметы и квадратный желтый брусок, даже не поняла, что он тоже решил поделиться с ней едой.

– Это яблоки, – сказал Гийом. – А это – сыр. Яблоки сладкие, сыр – соленый. И еще где-то у меня был хлеб...

Гийом снова полез в мешок. Имме поперхнулась яблоком.

В церкви Тотгендама центральной была фреска, на которой полный мужчина записывал в рот одного младенца, держа в свободной руке второго. Смиренная супруга уже подавала ему следующего ребенка, только что вынутого из собственного лона. У него даже не была перерезана пуповина. В детстве этот окровавленный жгут казался Имме хвостом ребенка. Младенец же напоминал ей огромную крысу.

– Вот истинно праведная женщина! – изрекал Люгнер, указывая на эту фреску. – Ибо каждая жена должна в первую очередь заботиться о том, чтобы ее муж был сыт! Так и только так может жена искупить свой страшный грех, из-за которого боги покарали нас всех! Ибо поленилась первая жена исполнить свой супружеский долг. Вместо хорошего, сочного и нежного куска мяса поднесла своему мужу хлеба!

Последнее слово Люгнер всегда выплевывал так, словно оно обжигало ему рот. А Имме украдкой думала – поскольку уже тогда умела размышлять украдкой, – что хорошо было бы хоть раз увидеть, как выглядит этот самый хлеб. И попробовать. Все равно терять нечего – проклятие Шабгни уже пало на головы всех жителей Тотгендама.

Хлеб оказался рыже-коричневым полукругом с серой мякотью. Гийом истолковал любопытный взгляд Имме неправильно.

– Сам по себе хлеб не ядовит, – сказал он.

Имме молча посмотрела на полустертую фреску за его спиной. Гийом знал, что там нарисовано. Роспись старого храма сильно отличалась от фресок той церкви, где пастор Люгнер читал свои воскресные проповеди. Изображения смиренной праведной жены здесь не было. На стене за Гийомом был нарисован огромный, крепко сложенный мужчина в черном. Он протягивал маленьким мужчине и женщине красный ломоть.

– Шла война, – терпеливо сказал Гийом. – Одному из демонов поручили наложить на зерно – это такие маленькие штучки, из которых делают хлеб, – весьма сложные чары. Каждый, кто пробовал хлеб, испеченный из этого зерна, просыпался мертвым. И очень голодным, и это был особый голод... Да ну это ты знаешь. Но на последней партии зерна демон схалтурил. Ему не хватило одного ингредиента для заклятия... и он подумал, что и так сойдет.

Гийом вздохнул:

– Не сошло. Вы проснулись голодными. Но не мертвыми.

Глаза Имме округлились. Гийом не удивился ее невежеству. Он знал, что люди Тотгендама давно похоронили правду о себе в руинах брошенного храма вместе с яблоками, которые привлекали червей, и сыром, который привлекал мух. И черви, и мухи оказались неразборчивы в выборе пищи, а некоторым из них разлагающиеся тела людей пришлось по вкусу даже больше яблок и сыра. Людям Тотгендама пришлось изгнать мух и червей вместе с сыром и яблоками и накрыть город магической сферой, замешанной на крови и черножизни. Имме перевела взгляд с фрески на Гийома и обратно. Что-то сверкнуло в ее глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.